

Первый снег шёл, не переставая, до самой ночи.

Слуги поместья приготовили для нас обильный ужин. Вяленое мясо, засоленное заранее, источало пряный аромат. Оленину, хранившуюся во льду, томили вместе со свежесобранными горными грибами мацутаке — мясо получилось мягким, тающим во рту, необычайно душистым.

Фрукты собрали ещё осенью и хранили в сухом холодном погребе — теперь, извлечённые оттуда, они всё так же оставались сладкими, сочными, с насыщенным вкусом.

Вскоре после ужина совсем стемнело. Слуга заранее растопил печь и жаровню с углями, отчего в маленьком деревянном домике стало тепло, точно весной. Я велел ему не беспокоить нас и тщательно прикрыл дверь.

За деревянной оконной решёткой тихо шелестел снег — крупные хлопья, похожие на гусиный пух, кружились в воздухе легко и невесомо. Некоторые прилипали целиком к стеклу, застывая причудливыми ледяными узорами.

Мы с Цзи Минчэнем сидели у печи. Я, будто без костей, льнул к нему всем телом, то и дело заворожённо разглядывая его безупречный профиль, — пока он не щёлкал меня по лбу, возвращая к реальности.

Потирая заныrivший лоб, я спросил:

— Бессмертный, ну зачем ты меня щёлкаешь?

— Ты и так вечно теряешь душу, а если будешь и дальше так на меня смотреть, она снова упорхнёт, — отозвался Цзи Минчэнь.

С тех пор как Сяфэн рассказал ему о том, что я иногда теряю душу, тот стал относиться к этому особенно внимательно. Стоило мне слишком долго засмотреться на что-то одно и впасть в оцепенение, как он тут же щёлкал меня по лбу.

— Моя душа в тебе, — сказал я. — Как она может потеряться?

— Фрукты будешь? — спросил он.

Я преданно уставился на него:

— Буду.

Над жаровней была натянута проволочная сетка, на которой стояли чайник и блюдо с фруктами. Вода в чайнике закипела и весело булькала.

Цзи Минчэнь снял крышку, отложил её в сторону, взял гроздь винограда, сорвал одну ягоду и принялся снимать с неё кожицу. Пальцы его двигались ловко и проворно — в считанные мгновения передо мной уже блестела прозрачная мякоть, поднесённая прямо к губам, а снятая кожица так и осталась целым нетронутым лоскутком.

Не знаю, то ли он не спешил убирать руку, то ли я слишком медленно прятал язык, но каждый раз, кроме самой ягоды, я непременно касался языком и его пальцев.

После нескольких таких раз меня охватил зуд нетерпения, и, пока он тянулся за следующей виноградиной, я подался вперёд и поцеловал его в губы.

С тех пор как он научил меня целоваться, мне хотелось делать это непрерывно. При посторонних я изо всех сил сдерживался, но стоило нам остаться вдвоём, сдерживаться было уже незачем. Ведь передо мной был он, а значит, я знал: любое моё желание встретит понимание.

Я высунул язык, как он меня учил, но он отстранился, мягко отвёл меня в сторону и с беспомощным видом произнёс:

— У тебя губы ещё не отошли от отёка. В таком состоянии язык можно и не пускать в ход.

— Но ведь ты сам меня этому учил, — недоумённо сказал я.

— Ну... — протянул он. — Просто губы у тебя пострадали, так что не нужно целовать так сильно. Понимаешь?

Я долго обдумывал его слова и наконец растерянно кивнул. В глубине души шевельнулось смутное чувство: то, чему он меня научил, — лишь малая часть, а многого другого он мне ещё не показал.

Вспомнив об этом, я потянулся и ущипнул его за бедро:

— Ты обещал, что научишь меня этому, как только яд выведут.

Он придержал мою руку:

— ... Хорошо.

На лице его по-прежнему читались странная неловкость, беспомощность и какая-то нерешительность, будто он скрывал нечто, о чём трудно сказать вслух. Я всё же не стал расспрашивать дальше — раз он пообещал, значит, непременно научит.

Довольный, я улёгся ему на колени и сказал:

— Хочу мандарин.

Его тонкие пальцы замелькали, и вскоре он очистил ярко-оранжевый, просвечивающий на свет мандарин, тщательно убрав всю белую сеточку между дольками. Снятая кожура осталась целой и лежала на столе, будто это по-прежнему был целый плод.

Я жевал поднесённые к губам дольки, а он платком вытирал сок, стекавший по моему подбородку.

Снег повалил гуще, тихо шурша по крыше.

Так я и лежал на коленях у Цзи Минчэня, заворожённо глядя на него, то сжимая кончики его пальцев, то переплетая их со своими. Стоило ему наклониться, как я не упускал случая украсть поцелуй. Он кормил меня каштанами, виноградом, мандаринами, а стоило мне подавиться — тут же подносил чашку чая.

Мы почти не разговаривали. В домике стояла тишина, и оттого шелест падающего снега казался особенно громким.

Прислушавшись на мгновение, Цзи Минчэнь произнёс:

— Забыли занести гладиолусы.

Ещё в резиденции Палаты государственного этикета я принёс два горшка с гладиолусами — один подарил матушке-императрице, второй взял с собой на Гору Духов. Цзи Минчэню очень нравился этот цветок: каждое утро он выносил горшок на солнце, а с закатом заносил обратно в комнату.

Я схватил его за руку:

— Не ходи.

Подумаешь, горшок с цветком — переживёт и без внимания одну ночь. Просто сейчас мне не хотелось, чтобы он уходил.

— Я только на минутку, — сказал он.

Я недовольно уставился на него.

— Будь умницей, — добавил он.

От одного этого слова я тут же сдался и покорно сел ровно.

Его силуэт растворился за дверью.

В тот самый миг, когда он скрылся из виду, окно, выходившее на задний двор, беззвучно распахнулось, и внутрь бесшумно скользнул человек в чёрном. Едва коснувшись пола, он тут же нашёл меня взглядом и метнулся вперёд.

Я в оцепенении застыл, глядя на него, а в следующее мгновение — не успел и глазом моргнуть — он уже оказался у меня за спиной, и что-то холодное коснулось моей шеи.

Опустив взгляд, я увидел в блестящей стали клинка отражение собственных глаз.

— Так это ты третий принц Южного Чу?

Ледяной холод клинка пробрал меня насквозь. Мне бы полагалось закричать во всё горло, но соображал я туго — понял, что происходит, лишь когда лезвие уже легло на шею. А кричать теперь было уже бессмысленно.

— Ты держишь нож не той стороной, — сказал я.

Человек в чёрном на миг замолчал, одним движением подкинул клинок в воздухе и перехватил его — теперь к моей шее была обращена уже острая кромка.

— Так это ты третий принц Южного Чу? — повторил он.

— Да, — ответил я.

— Значит, это ты силой и обманом принудил моего гос... наследного принца Северного Инь снизойти до брака с тобой? День за днём унижал его, распускал руки, обращался с ним как с наложником для утех?

— Я не обращаюсь с ним как с наложником, — сказал я. — Я считаю его своей супругой.

Клинок придвинулся ещё ближе к шее.

— Настоящий мужчина ни за что не согласился бы добровольно покориться другому мужчине! Это ты его принудил, признавайся, признавайся немедленно!

Голос его звучал всё более взволнованно, рука с клинком начала мелко дрожать. Только теперь, с опозданием, меня накрыл настоящий страх — спина взмокла от холодного пота, я уже открыл рот, готовясь закричать, как вдруг дверь с грохотом распахнулась.

— Юйфэн, отпусти его! — гневно рявкнул Цзи Минчэнь.

Я почувствовал, как тело человека в чёрном дрогнуло, однако рука его лишь крепче сжала рукоять, а клинок неумолимо продолжал вжиматься в мою шею — мне даже почудилось, что лезвие уже рассекло кожу.

— Господин! — воскликнул человек в чёрном. — Он воспользовался вашей бедой, надавил на вас своей властью и положением, вынудил покориться — да за такое злодейство мало убить! Позвольте вашему слуге разделаться с ним, отомстить за все унижения, что вы вытерпели за эти месяцы!

Цзи Минчэнь стоял на месте, не сводя с него взгляда, и холодно произнёс:

— Отпусти его. Я не собираюсь повторять в третий раз.

Человек в чёрном помолчал немного и наконец отпустил меня.

В тот же миг Цзи Минчэнь оказался рядом и подхватил меня:

— Ты в порядке?

Я оторопело смотрел на него, беззвучно шевеля губами, — ноги вдруг ослабли, и я осел бы на пол, если бы он не подхватил меня поперёк тела. Он отнёс меня на кровать, прижал к себе и принялся поглаживать по плечам и спине, повторяя снова и снова:

— Всё хорошо, всё хорошо, уже позади, уже позади.

Человек в чёрном тихо пробормотал в сторону:

— Да я его даже не задел клинком.

Цзи Минчэнь резко обернулся и рявкнул:

— Молчать! Ступай сам себе наказание назначь!

Человек в чёрном что-то невнятно проворчал себе под нос, нехотя подошёл к стене, оттолкнулся от неё ногой — и вот уже стоял вниз головой, прислонившись к стене.

Наконец до меня в полной мере дошло пережитое, и страх от близости смерти захлестнул с головой — тело затряслось в бессильной дрожи. Губы у меня задрожали, и я разрыдался в голос.

Цзи Минчэнь принялся меня успокаивать, а я, всхлипывая и икая, выдавил сквозь слёзы:

— Ты... ух-ух... яд... ещё не вывели... нельзя... поднимать тяжёлое...

Человек в чёрном, до этого сверливший меня недовольным взглядом, при этих словах будто опешил, и во взгляде его, обращённом на меня, промелькнуло что-то странное.

От его взгляда мне снова вспомнился холод клинка на шее, и я, отвернувшись, разрыдался ещё сильнее. Но, боясь, что плач привлечёт слугу, я прикусил губу, пытаюсь сдержаться, — тщетно.

Цзи Минчэнь склонился ближе, его мягкие губы накрыли мои, а кончик языка бережно раздвинул зубы, прикусившие нижнюю губу, вбирая в себя весь мой плач и все переживания без остатка. Поцелуй становился всё глубже, и я наконец перестал плакать.

Он отстранился, вытер мне слёзы и тихо произнёс:

— Ну вот, всё хорошо, да?

Уткнувшись носом в его щеку и шею, я протянул в нос:

— Ещё хочу.

Он вновь бережно завладел моими губами. В его прикосновениях таилась какая-то умиротворяющая сила, и рассеявшиеся было от испуга душа и разум вернулись на место, я окончательно успокоился.

Взгляд человека в чёрном сменился откровенным потрясением.

Я крепко вцепился в руку Цзи Минчэня, и, взглянув на человека в чёрном снова, уже не почувствовал страха.

— Это твой подчинённый? — спросил я.

— Его зовут Юйфэн, — ответил Цзи Минчэнь. — Он глава тайной стражи и мой заместитель.

Я посмотрел на стоявшего у стены вниз головой Юйфэна. У него были густые тёмные брови, и он разглядывал меня испытующим взглядом — на вид ему было не больше семнадцати-восемнадцати лет.

— Тогда пусть перестанет стоять на голове, — сказал я.

— Он напугал тебя, — ответил Цзи Минчэнь. — Это заслуженно.

Я больше ничего не сказал, лишь принялся внимательно разглядывать Юйфэна. Похоже, под моим взглядом ему стало неловко: он бросил на меня сердитый взгляд и закрыл глаза. Руки, упавшиеся в пол, держались твёрдо, без малейшей дрожи, — весь он был прям, точно сосна.

Спустя целый час Юйфэн легонько оттолкнулся от стены ногой и невесомо опустился на пол, выпрямившись во весь рост. Он подошёл к Цзи Минчэню, опустился на одно колено и почтительно произнёс:

— Господин.

Стоило ему приблизиться, как я невольно вздрогнул и теснее прижался к Цзи Минчэню. Тот легонько похлопал меня по спине и обратился к Юйфэну:

— Отныне ты не смеешь и пальцем его тронуть. Запомни это.

— Слушаюсь, господин, — нехотя отозвался Юйфэн.

— Какие новости с севера? — спросил Цзи Минчэнь.

Юйфэн неуверенно покосился на меня.

— Он не чужой, — сказал Цзи Минчэнь. — Впредь от него ничего скрывать не нужно.

Юйфэн помолчал немного и заговорил:

— Я тайно проник в Южное Чу вместе с посольством, надеясь найти случай встретиться с вами, но вокруг него... вокруг третьего принца постоянно вертелась целая свора соглядатаев. Лишь когда мы поднялись сюда, на Гору Духов, слежка ослабла, и я наконец решился показаться.

Соглядатаи? Я озадаченно нахмурился. Кто мог приставить ко мне слежку?

— На севере дела складываются неважно. Старый император слабеет день ото дня. Наложница Ли уже вмешивается в государственные дела, тайно снюхалась с придворными сановниками, раздаёт взятки направо и налево — и всё это, обнимая своего годовалого сына, в мечтах о том, как станет вдовствующей императрицей-регентшей, стоит старику испустить дух.

Выслушав, Цзи Минчэнь покачал головой:

— Далеко же она метит.

— Не знаю уж, кто её надоумил, — с негодованием продолжил Юйфэн, — но эта женщина подговорила цензоров подать доклад с требованием, чтобы старый император лишил вас титула наследного принца и возвёл на его место того годовалого сопляка. Добрая половина сановников её поддержала. Хорошо ещё, канцлер Су решительно выступил против, да и у старика хватило разума не соглашаться.

Цзи Минчэнь оставался невозмутим, по лицу его невозможно было понять, что он чувствует.

— Сколько ему ещё осталось? — спросил он.

— Придворный лекарь осматривал его. Старик всю жизнь предавался излишествам, тело давно истощено — года не протянет.

Юйфэн вдруг посерьёзnel:

— Большинство гражданских чиновников при дворе — что трава на ветру, куда дует, туда и клонятся. Пусть даже господин пользуется непререкаемым авторитетом среди военных, но, покуда вас нет при дворе так долго, не остановить чиновников от перехода на сторону наложницы Ли. Чем дольше тянуть, тем хуже для вас обернётся дело. Раз яд уже можно вывести, а Тигриный талисман у вас на руках, ваш слуга умоляет вас немедленно вернуться в Северное Инь и взять власть в свои руки. В крайнем случае — убить и наложницу Ли, и того сопляка, а там пусть старик делает что хочет!

Я слушал их разговор, ничего толком не понимая, и лишь из последних слов уловил суть: Юйфэн уговаривал Цзи Минчэня уехать... Сердце сжало будто чьей-то огромной рукой, и стало нестерпимо больно. Я невольно стиснул руку Цзи Минчэня и впился в него взглядом.